

Борис Куприянов

«Леонардо» в Солнечном городе

Лев Данилкин. Человек с яйцом: Жизнь и мнения Александра Проханова. М.: «Ad Marginem», 2007. – 664 с.

*В наших головах нет решительно ничего общего;
все в них индивидуально и все шатко и неполно.*

П.Я. Чаадаев

Читателей романа Данилкина можно, за редким исключением, разделить на две группы. Первая группа не видит иронии Данилкина, вторая не замечает исследовательского любопытства. Первая считает книгу гимном «пламенному патриоту» Проханову, вторая – постмодернистским панегириком «красно-коричневому фашисту» Проханову.

Читатель склонен оценивать художественную ценность романа «Человек с яйцом» исходя из своего «классового» отношения к герою – как к главному редактору газеты «Завтра». Может быть, «неудобная фигура» Проханова и сложна для других оценок, но все же попробуем.

С какой целью один из лучших современных критиков, фактически формирующий литературные вкусы, решил написать жизнеописание столь одиозного персонажа? Чем для нас может быть полезен данный опус? Ведь развлечением чтение ни самого Проханова, ни книги «Человек с яйцом», несмотря на отточенный язык, не назовешь.

Судьба Проханова чрезвычайно насыщена. За полвека он сменил десятки специальностей: был лесником, журналистом, инженером, литератором. Раскапывал храмы Пскова, водил туристов в Хибины, мчался на джипе по джунглям Никарагуа, полз под огнем китайских милитаристов и снайперов из «Альфы», беседовал с диктаторами и революционерами, президентами и капиталистами, разрабатывал новые вооружения, ловил бабочек, наблюдал освоение советского севера и капиталистическое строительство современного Уренгоя. Список профессий и навыков Проханова может конкурировать с известным тосканским «резюме» да Винчи.

Данилкина прежде всего интересует «оптика» Проханова, через которую преломляется формообразующая сила нашего общества. Картинка получается несколько причудливой, как будто снятой на мобильный телефон с модным эффектом «передержка». Изображение некомфортно, раздражает вычурной экспрессией, почти непроходимо из-за «барочности» языка. В беседе с немецким писателем Крахтом Проханов вспоми-

нает разложение трупа китайского солдата на Даманском – «чудовищную орхидею изысканных цветов» – как одну из самых живописных картин в своей жизни.

Взгляды школы Анналов, «персональная история» прижились в русском ландшафте. Один – поэт «изучает географию страны по винным этикеткам», другой – беллетрист выстраивает идеологию целого класса (или прослойки?) на основе биографии известного поэта. Движение от частного к общему вообще для российской мысли характерно. Метафизике мы понимаем не по Хайдеггеру. Метафизика для нас все, что мы чувствуем, но объяснить не можем, можем только описать ощущения. Витгенштейн в России, может, и понятен, но неприемлем. Он для нас еще гаже Чаадаева. Мы свою иррациональность научились беречь. Вспоминаются невольно слова «русского философа» В.В. Розанова: «Приглядишься, и слышится гортанное шипение: ШНЕЕРЗОН, ШНЕЕРЗОН».

Данилкин обращает внимание на неприятие Прохановым цинизма/логики. Персонаж его романа «Последний солдат империи» инженер Тараканер, скептик и антисоветский циник, вреден. Именно из-за него «Буря» возвращается на землю, полный космических тараканов. Данилкин замечает: «Тараканер – может быть, самое омерзительное существо, созданное фантазией Проханова».

Ломоносов формулировал закон сохранения материи просто: «Где чего убудет – там того и прибудет». Для европейца звучит диковато, но не хуже и не лучше определения Лавуазье. Мы не можем похвастаться 500-летними традициями воспитания, мы не знаем языков, не умеем пользоваться библиотеками, наше образование раздробленно. Российских интеллектуалов обвиняют в недоученности, *незнании*. Можно цинично констатировать «патологичность» России, как Чаадаев, приходиться в ужас от организации российской жизни, как де Кюстин, или просто смеяться над «тараканами в голове». Но это те же самые «тараканы», которые, чудесно выстраиваясь, рождали в голове монаха Кампанеллы «Город Солнца», а в голове архитектора Лавинского проекты «Города на ресорах». Возможно, «тараканы, лишённые крыльев», рождали в головах Летатлин и вертолет да Винчи. Всеохватывающая утопия, визионерство и эрудиция вместо рационализма и анализа. В эпоху Ренессанса ограничения для мысли были не видны и далеко не очевидны. Тип мышления человека Возрождения в наше время выглядит комично. Без исследования «орхидей» подобного образа мысли, цветущих в России, возможно, нельзя понять культурных, социальных, политических процессов, происходящих в нашей стране.

Данилкин пытается разобраться на примере Проханова в этом инсектари (да простит меня Александр Андреевич, я имею в виду бабочек). «Демагогу», «графоману», «нонконформисту», «соловью геншта-

ба», «авангардисту», «консерватору», «фашисту», «пламенному патриоту» и так далее и тому подобное Проханову нельзя инкриминировать бездарность, лень и отсутствие страсти. Автор не пытается «оправдать» героя: «С “текущей” точки зрения у скептиков всегда найдутся предлоги дисквалифицировать его как “плохого писателя”, а то и “графомана”. Да, со стороны все эти его попытки “закатать” и “преодолеть” могут казаться нелепыми, смехотворными, несдержанными – у здравого смысла на этот счет есть множество диктумов, вплоть до “поспешишь – людей на смешишь” и проч. Однако если смотреть на мир не с точки зрения сегодняшней, синхронной, а “из завтра”, – то именно такие экземпляры человеческой природы представляются наиболее ценными, поскольку они подталкивают человечество к самопреодолению и, соответственно, к развитию».

Данилкин делает важное наблюдение: Прохановым движет страсть, даже жажда преодоления. Вся биография героя – преодоление условностей и правил. Преодоление подразумевает не разрушение, а переработку и приручение: «...и не забудьте учесть, что в широком смысле, преодоление есть спасение». Александр Андреевич – утопист. Реальность его не устраивает. Между реальностью и утопией он всегда на стороне последней – имперской, советской или православной, ему, по сути, все равно. Проханов пропускает сквозь себя природу, культуру, науку, политику, мир, страдает выдать универсальную модель бытия. Но, быть может, куда важнее конечного продукта энергия, излучаемая героем, и отходы: бракованные изделия, заготовки, неоконченные проекты, наблюдения, обрывки мыслей.

К несчастью, следует признать, что для российского интеллигентного читателя было бы комфортней, если бы Данилкин поступился исследовательской честностью и написал книгу о каком-нибудь безобидном и далеком Федорове или Сковороде – для серии «ЖЗЛ», например.